

Разумеется, индивидуальные правовые акты являются одним из видов правовых актов и, следовательно, обладают общими признаками, присущими всем правовым актам. Вместе с тем, они обладают и специфическими признаками, отличающими их от вышеназванного вида актов.

4. С учетом изложенного выше, можно выделить следующие характерные признаки индивидуального правового акта:

1. Имеет четко определенную в законе унифицированную форму (наименование), которая в настоящее время не для всех субъектов правоприменительной практики детально закреплена, что порождает правовые споры;

2. Является официальным актом применения правовых норм, принимается по определенным вопросам или в целях осуществления конкретных мероприятий специально уполномоченным субъектом правоприменения (орган, должностное лицо), исчерпывает свое действие разовым исполнением;

3. Носит властный волевой характер, отражает волю, особенности компетенции принявшего его субъекта, направленную на достижение определенных юридических последствий;

4. Адресуется конкретному субъекту или строго определенно кругу лиц и влечет установление, изменение или прекращение конкретных юридических отношений.

Литература:

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1993. — № 7.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 3.
3. Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. — 2009. — № 4. — С. 42–45.
4. Старилов, Ю.Н. Курс общего административного права: В 3 т. / Ю.Н. Старилов — М., 2002. — Т. 2.
5. Дементьев, И.В. Индивидуальные (ненормативные) налоговые правовые акты: монография / И.В. Дементьев. — М., 2009.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Халабуденко О.А., кандидат юридических наук, доцент,
Международный Свободный Университет Молдовы (ULIM)

Европейской правовой культуре известны различные подходы к постижению правовой действительности. В частности, с момента принятия кодифицированных актов закладываются предпосылки к формированию юридико-догматического метода, в соответствии с которым текст закона приобретает непререкаемый авторитет. Юридическая догматика предполагает, что основным объектом юриспруденции служит норма права (юридический позитивизм). Поскольку для позитивизма норма права совпадает с нормой закона, «задачей правоведа становится лишь описание содержания нормативно-правовых актов», а «теоретическое осмысление реального процесса толкования и оценки правовых норм предполагает установление догмы права, то есть подлинного содержания властного подчинения» [2, с. 9]. Догма

права представляет собой «не только особый участок явлений социальной действительности, но и ее особый мир. Важнейшая черта этого особого мира заключается в том, что право представляет собой логическую систему. На уровне догмы права своеобразие права как логической системы характеризуется ее глубоким единством с формальной логикой или шире — математической (символической) логикой» [8, с. 17]. В итоге, признание родства права с формализованными математическими системами обнаруживает логическую порочность самого юридического позитивизма. Доказанные К. Геделем теоремы неполноты и непротиворечивости подтверждают, «что право не может быть замкнутой формальной непротиворечивой системой» [16, с. 31], единственным содержанием которой являются нормы (и вновь круг замкнулся).

Результатом кризиса юридической догматики является смещение фокуса внимания на общественные отношения, что предполагает усиление акцента на правовой политике. Определение предмета исследования группой отношений ставит перед исследователями вопрос о функции, которую правоотношение выполняет. Представляется, что правоотношение есть научная абстракция, категория юридической науки, служащая постижению права. Это — сконструированный разумом объект, которого нет в природе. Отношение отражает первичность различия между субъектами. В свою очередь, наличная правовая связь между субъектами права предполагает онтологически первичное единство. Наличная правовая связь между субъектами права — «правовая ситуация» — может быть познана посредством правоотношения. Однако в юридической науке, да и в законодательстве понятие «правоотношение» нередко отождествляется с «правовой ситуацией». В результате происходит недопустимое, на наш взгляд, смещение приема (способа) познания и объекта познания — правовой ситуации.

Представление о правоотношении как категории познания права позволяет сделать ряд выводов. В частности, правоотношение системностью не может обладать, оно не членимо ни на какие составляющие элементы. Объективация содержания правоотношения становится возможной лишь при возникшей «правовой ситуации» и обусловлена тем, что субъективное право и юридическая обязанность — суть такие явления правовой действительности, которые способны быть определены (урегулированы) нормами объективного права. Возникает вопрос: достигается ли данная «определенность» в силу веления законодателя или же в правовой культуре наличествуют явления, приводящие к упорядочению, систематизации правового материала? Представляется, что таким явлением служит категория «юридическая конструкция». Пожалуй, впервые в юридической науке на методологическую функцию данной категории отчетливо обратил внимание Р. фон Иеринг. Согласно его концепции, юридическая конструкция есть не только субстанциональный элемент права, но и своеобразный прием юридической техники, суть которого заключается в том, чтобы «на материале норм позитивного права построить абстрактное понятие, а затем выразить его в минимально требуемом количестве предложений» [10, с. 49]. Поскольку юридические конструкции, в отличие от норм права, не имеют

повелительной формы выражения, они приобретают форму утверждений. В таком случае как будто бы наблюдается выведение нормативного высказывания из дескриптивных посылок. Однако решенная таким образом проблема («гильотина Юма») основывается на очевидном смешении объекта и метода исследования.

Неверное понимание юридической конструкции закладывается, на наш взгляд, тогда, когда ее пытаются посредством толкования дедуцировать непосредственно из правового материала, отождествляя с «фрагментом действительности позитивного права», выводимого из этого же права. Такая точка зрения, увы, и до настоящего времени остается доминирующей в юридической науке. В действительности, юридическая конструкция не следует, а непосредственно предшествует правовому высказыванию, делая возможным развитие права. В таком случае по отношению к первичным элементам права юридические конструкции образуют еще один уровень правовой материи. Если это так, то возникает вопрос, какой элемент юридической конструкции придает ей субстанциональность? Ведь на уровне понимания юридической конструкции как феномена правовой культуры, построенного по формальным законам структуры, она не рассматривается как сущность. Здесь речь идет лишь об определенной объективации структурных элементов юридической конструкции в нормах права. Объективация элементов является результатом деятельности законодателя, который воплощает свои властные, выраженные нормативно веления в рамках определенных юридических конструкций. Юридическая конструкция, на наш взгляд, приобретает характер юридической субстанции, когда в ней обнаруживается некий «центр». Таким центром выступает юридический факт (для частноправовых отношений это воля субъекта права). С момента выражения воли лица юридическая конструкция в частном праве субстантивируется, становится «юридической сущностью», подлежащей толкованию

Литература:

1. Афонасин, Е.В. *Философия права* / Е.В. Афонасин, А.Б. Дидикин. — Новосибирск, 2006.
2. Лобовиков, В.О. *Математическое правоведение*. — Ч. 1 / В.О. Лобовиков. — Екатеринбург, 1998.
3. Пономарев, Д.Е. *Юридические конструкции: становление понятия в отечественном правоведении* / Д.Е. Пономарев // *Рос. юрид. журн.* — 2004. — № 4.
4. Честнов, И.Л. *Методология и методика юридического исследования* / И.Л. Честнов. — СПб., 2004.

**ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОСОБЕННОСТИ ГАРМОНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА**

Цмакалова Н. В., Таганрогский институт управления и экономики

Правовой гармонизацией в рамках общей теории права и государства в настоящее время в России практически никто не занимается. Тем не менее, понятие «правовая гармонизация» в полной мере можно считать «сквозным» для анализа особенностей постсоветского реформирования. Именно уровень правовой гармонизации,